

Михаил Сапожников

Мой И-2 на большой высоте пересек линию фронта. Внезапно вынырнув со стороны солнца, я заснял места скопления немецких танков и автомашин. Выполнив задание, самолет лег на обратный курс. В это время стрелок заметил два «мессершмитта».

Вижу ниже два истребителя противника!

Я не знал, что немцы бросили на этот участок асов из берлинской школы высшего пилотажа.

В то же мгновение по моей машине ударила короткая пулеметная очередь. Я только тут заметил, как над нами вилась шестерка немецких истребителей. Продолжая наблюдение за первыми двумя истребителями, стрелок-радист не заметил другую группу «мессершмиттов». Этот промах и повлек за собой тяжелые последствия.

Оцепив обстановку, я отдал приказ отбиваться. «Мессершмитты» продолжали наседали со всех сторон. Был убит стрелок-радист. Один из снарядов повредил систему управления самолета. Машина перестала слушаться. Я приказал штурману Петру Гончарову покинуть самолет. В ту минуту, когда подбитая машина стала беспомощно падать, я выбросился из машины. Замедлил падение, чтобы проследить, как будет снижаться штурман. Но над ним уже кружились два «мессершмитта». Один за другим заходили они на цель и из пулеметов расстреливали боевого товарища. Рев самолетов заставил меня оглянуться. Позади себя увидел два других «мессера», идущие прямо на меня. Холодный пот выступил на лбу. Немцы намерены расправиться со мной так же, как с Петей. Но не растерялся: подтянув стропы парашюта, ускорил свое падение. Пули немецких летчиков прошли над головой. А когда истребители, развернувшись, вновь стали заходить на цель, я затормозил падение. Пули прошли мимо. Приземлился недалеко от большака, по которому ползли облепленные людьми обозы. Освободившись от парашюта, попытался встать на ноги, но несколько человек в форме немецких солдат опередили. — Рус, хальт! — горланили они. Несколько грубых солдатских рук моментально стащили с меня гимнастерку, сапоги и брюки.

Затем к нам подошел солдат с лычком обер-ефрейтора и, показав на

мотоцикл, сказал на ломаном русском языке:

— Рус!.. Лагерь...

Вечером охранник нанес мне палкой сильный удар по голове за то, что я нарушил порядок построения. За сутки я получил, как и все в лагере, два стакана воды и три ложки запаренной ржи.

Я никак не мог примириться с мыслью, что нахожусь в плену у фашистов. Ведь только сегодня утром меня провожали славные боевые товарищи и желали успеха. Ведь совсем недавно я поднимал свою машину в солнечную синеву неба. А теперь вот четырехугольный кусок порыжелой земли, опутанный густой стальной паутиной, и бульдожья морда немца с автоматом. «Неужели конец? Неужели так бесславно закончится жизнь?» И какой-то внутренний голос отвечал: «Нет, не всё еще потеряно. Мужайся!» То был голос жизнеутверждающей молодости, голос пламенного советского патриота.

Заря еще только занималась, когда раздался лающий крик немецких часовых. Обессиленных пленников поднимали на работу. В трех километрах от лагеря высилась березовая роща. Каждый день здесь под дулами фашистских автоматов от темна до темна пилили лес на дрова советские военнопленные. Некоторые падали от истощения тут же, у серебряных стволов берез. Тогда к ним размеренными шагами подходил часовой со свастикой и в упор расстреливал короткой автоматной очередью.

Я чувствовал в себе пока еще не растраченные силы. Одна дума владела всем моим существом: «Бежать! Бежать, чтобы мстить за дикие издевательства над советскими людьми!»

Побег удалось совершить на другой день вечером. Подробности столь тяжелы, что я гоню, гоню их от себя в той, другой жизни, которая наступила после Победы.

После побега я, кстати, продолжил воевать до победного конца. Вот такое везение, ребята!